

Вет. клуб, 1994, 14 мая, с. 7

Трепещущие бездны Вагнера

**вполне сродни
нашему безвременью**

Что и говорить, концерт Валерия Гергиева в Москве, в Большом зале консерватории, прошел с триумфом. Программа, исполненная под его управлением светлановским оркестром, целиком была посвящена Вагнеру. И каждое исполненное произведение стало своеобразной эмблемой этого композитора.

В музыке Вагнера, которую, как известно, исполняют у нас нечасто, Гергиев подчеркнул экстатически-чувственное начало, чем вызвал легкое недоумение у некоторых профессионалов, ошеломленных невиданным эмоциональным напором дирижера.

Увертюра к «Летучему голландцу» оставила освежающее чувство морской бури, что, впрочем, усиливало настроение темного ужаса, свойственного этой опере.

В увертюре к «Риенци» дирижер, почти парящий над оркестром и подпрыгивающий в такт на цыпочках, форсировал скачущую ритмику этой музыки.

В «Смерти Изольды» Гергиев создал образ «смерти, преображенной любовью», как сказал один музыкант. А «Полет валькирий» просто напугал угрозами звездных войн. В увертюре же к «Тангейзеру» появилась наконец мистическая мечтательность — именно в духе поднятых в этой опере проблем взаимоотношений христианства и языческой мифологии.

На «бис» оркестр исполнил «Свадебный марш» из «Лоэнгрина», который воплотил в себе некую особую парадность. Вообще все маршеобразные, триумфальные вещи несколько не напоминали банальное швабское ликование, дух которого кое-кто с испугом улавливает в музыке Вагнера. Светлановский оркестр, ведомый Гергиевым, звучал прямо-таки устрашающе, ударники били изо всех сил, впрочем, им не уступали и остальные группы оркестра.

Мы слушали Большой симфонический оркестр с разными дирижерами, но, кажется, только с Гергиевым музыканты играли — с полной отдачей и даже детской непосредственностью. Иногда бурно выплескивающуюся непосредственность самого дирижера можно было бы принять за «игру в Вагнера»; впрочем, кто в него не играл... Нет, не будем больше иронизировать: сейчас это уже неуместно по отношению к музыке, открывающей перед слушателем «трепещущие бездны».

Другое дело, как она могла восприниматься в период мировых войн, когда ее нездоровая мечтательность связывалась с сюжетами, «курящимися красотой и кровью». А сейчас красота и гимничность кажутся необходимыми чертами музыки современности — как называют наше время, в которое рождаются новые мифы.

**Елена и Ирина КУЛЬНЕВЫ.
Фото Александра ТИМОШЕНКО.**